УДК 81’373.6+81’373.21+811.511.1
DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680

Прибалтийско-финские термины с семантикой ‘поселение’ в историко-культурной перспективе

И. И. Муллонен
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
mullonen@krc.karelia.ru

Е. В. Захарова
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
katja.zaharova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Формирование такого важного культурного феномена как поселенческая сеть отразилось в целой системе терминов, имеющих разный генезис и ареальные связи. В этимологии и семантике терминов проявляется тот этнокультурный контекст, который вызвал к жизни их появление.

Цель: анализ терминов прибалтийско-финского происхождения, маркирующих разные структурные типы поселений, на этноязыковом и историко-культурном фоне, с привлечением топонимических контекстов, позволяющих восстановить некоторые ранние этапы в их этимологическом и семантическом развитии.

Материалы исследования: диалектные словари карельского и вепсского языков, картотека, хранящаяся в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯИЛИ КарНЦ РАН), полевые материалы Научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН[1], ГИС «Топонимия Карелии», писцовые книги XV–XVII вв.

Результаты и научная новизна. Проведённый анализ установил, что формирование прибалтийско-финской (карельской и вепсской) поселенческой терминологии на территории южной Карелии происходило в середине II тыс. н. э. на фоне изменений в земледельческой экономике, опосредованного ею гнездового типа расселения, а также устойчивых прибалтийско-финско-русских языковых связей. Впервые предложена этимологическая интерпретация карельского термина *hieru*, а также прослежены основные линии семантического развития терминов *kylä*, *kontu* и *ryhjä*.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, этимология,семантика, поселение, топонимия, Карелия.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00068 А.

Для цитирования: Муллонен И. И., Захарова Е. В. Прибалтийско-финские термины с семантикой ‘поселение’ в историко-культурной перспективе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 671–680.

Baltic-Finnish terms with the semantics ‘settlement’ in historical and cultural perspective

I. I. Mullonen
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
mullonen@krc.karelia.ru

[1] Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей включает в себя полевые материалы (ок. 300 тыс. единиц хранения), собранные в экспедициях 1970–2018 гг. (хранится в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск).

E. V. Zakharova
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
katja.zaharova@mail.ru

ABSTRACT

Introduction: formation of such an important cultural phenomenon as the settlement network was reflected in the system of terms of varying genesis and areal relationships. In the etymology and semantics of the terms the ethno-cultural context reveals, that gave rise to their appearance.

Objective: analysis of the terms of Baltic-Finnish origin marking the various structural types of settlements against the ethno-linguistic, historical and cultural background, using the toponymic contexts which help reconstruct some early stages of their etymological and semantic evolution.

Research materials: the primary source of the research was data from a number of dialectal dictionaries of the Karelian and Vepsian languages, as well as their card indexes stored in the Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS (ILLH KarRC RAS). We widely used field materials of the Scientific Toponymic Card Index of ILLH KarRC RAS[1], GIS «Toponymy of Karelia», as well as data from the cadastral books of XV–XVII centuries.

Results and novelty of the research: analysis has shown that the Baltic-Finnish (Karelian and Vepsian) settlement terminology in the territory of the Southern Karelia was forming in the middle of the 2nd millennium CE in the context of an actively developing agricultural economy, the cluster-type settlement pattern mediated by this economy, and persistent Russian language contacts. For the first time an etymological interpretation of the Karelian term *hieru* is suggested, and the main lines in the semantic evolution of the terms *kylä*, *kontu* and *ryhjä*are traced.

***Key words*:** Baltic-Finnish languages,etymology, semantics, settlement, toponymy, Karelia.

Acknowledgments:the publication is prepared with financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project № 19-012-00068 A.

For citation: Mullonen I. I., Zakharova E. V. Baltic-Finnish terms with the semantics ‘settlement’ in historical and cultural perspective // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019: 9 (4): 671–680.

Введение

Южная Карелия – традиционный ареал карельского (ливвиковского и людиковского) и вепсского расселения – характеризуется разветвленной сетью сельских поселений, многие из которых зафиксированы уже в наиболее ранних известных письменных документах – писцовых и переписных книгах Обонежской пятины XV–XVII вв. Для обозначения отдельных типов поселений используется целый набор терминов. В их ряду выделяются прибалтийско-финские лексемы (*kondu*, *hieru*, *kylä*, *ryhjä*, *jälgi* (букв. ‘след’), **tulo* (букв. ‘новинка’ от глагола *tulla* ‘приходить, появляться’), *tanaz* (букв. ‘двор’)) и термины, заимствованные из русского языка (*posad*, *d’eren’*, *s’ola*, *slabad*, *usadiš’*, *seliš’š’*, *hutor*). Такое номенклатурное многообразие объясняется разными территориальными и хронологическими рамками бытования указанных лексем, их языковыми истоками, а также типами именуемых поселений и особенностями системы землепользования. В статье анализируется апеллятивное и топонимическое бытование четырёх широко используемых прибалтийско-финских терминов: *kondu*, *kylä*, *ryhjä*, *hieru*. Три первых попадали в фокус научного интереса, прежде всего, этимологического [24; 8; 6; 19; 21], термин *hieru* ранее не анализировался вовсе. При этом, однако, в предшествующих работах цели по выявлению мотивировок названных терминов, историко-культурного контекста их появления и развития семантики, которые актуальны для данной публикации, не ставились.

Материалы и методы

Для исследования широко привлекались материалы диалектных словарей карельского и

[1] The Scientific card index of place names of Karelia and adjacent regions comprises field materials (ca. 300,000 unitsofstorage) gathered during expeditions in 1970–2018 (deposited at the Department of Linguistics of ILLH KarRC RAS, Petrozavodsk).

вепсского языков,писцовых и переписных книг Обонежской пятины XV–XVII вв., а также полевые данные Научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН и ГИС «Топонимия Карелии».

Использован ряд методов: описательный, структурно-словообразовательный, сравнительно-сопоставительный, этимологический, дистрибутивный. Кроме того, применялись методики мотивационного, ареально-типологического и этнолингвистического анализов.

Результаты

Kontu

В ряду прибалтийско-финских терминов, реализующих семантику ‘поселение’, своё место занимает лексема *kontu* ‘крестьянский двор; хозяйство; земельные угодья или участок’, известная большинству прибалтийско-финских языков, однако более глубокие языковые её истоки не прослеживаются [24, I, 398–399], если не считать того, что она явно связана генетически с приб.-фин. *kontu* ‘корм для животных: сено, листва, используемая в качестве корма’. Во всяком случае, часть словарей прибалтийско-финских языков приводит единую лексему с двумя значениями [18, II, 314], другие делают перекрёстные отсылки [24, I, 399]. Эта связка примечательна в том смысле, что высвечивает в развитии термина примарность семантики ‘земельные угодья, обработанная земля’ и, соответственно, позволяет возводить термин к крестьянскому этапу в формировании поселенческой структуры. Семантическое наполнение термина и предпочтения, отдаваемые компонентам ‘дом, заселенное место’ и ‘земельное угодье’, по отдельным прибалтийско-финским языкам разнятся. В финских говорах важна «поселенческая» составляющая: *kontu* ~ *konnu*[2] – это ‘дом с окружающими его землями, поместье’, которой вторит ‘место проживания, дом, квартира, усадьба’ [23]. Собственно, этот же семантический приоритет отражается в известном финском устойчивом выражении о родной земле *maat ja mannut*, *kodit ja konnut*, построенном на двух синонимических парах: в первой *maa* и *mantu* ‘земля’, соответственно во второй *koti* и *kontu* ‘дом’. Наоборот, в эстонском *kõnd*, *kõnnumaa* – это ‘земля’ [24, I, 398–399]. Во всех наречиях карельского языка в *kontu* ~ *kondu* ~ *kond*, прежде всего, реализуется семантика ‘земельные угодья, обрабатываемая земля’ [18,II, 314;7, 152;12, 112;16, 105]. Вепсским говорам соответствующий термин неизвестен, однако его былое функционирование в виде **kond* подтверждается рядом топонимических свидетельств из всех диалектных ареалов. Топооснова выступает в названиях поселений и сельхозугодий, при этом либо в виде простого топонима, либо в функции основного компонента (детерминанта) сложных по структуре названий: деревни *Kond*, *Kondud*, *Per’jan/kond*[3], *Minan/kond*; угодья *Kond*, *Kondus*, *Ukon/kond* и др. [8, 59, 106–107]. Атрибутивный элемент сложного топонима выражен, как правило, антропонимом. Данный топонимический контекст даёт основание полагать, что названия географических объектов отражают семантику ‘крестьянский двор с прилегающим участком земли’, т. е. по сути ‘однодворная деревня’ – характерный для севера тип крестьянского поселения. Подтверждение обнаруживается в материалах писцового дела 1563 г. по Важенскому погосту, бывшей вепсско-карельской территории, в которых есть запись «Починок старой на Речном Селе словет Его конда» [11, 101]. Здесь представлен встречающийся иногда в документах случай дословного перевода оригинального приб.-фин. топонима на русский язык: *Егоконда* ← вепс. или люд. сложный топоним **Jogi/kond*, в котором *jogi-* ‘река, речной’, а элемент *-kond* переведён термином *село*. Последний является в Обонежье новгородским наследием и обозначал сельское поселение из одного или нескольких крестьянских хозяйств-дворов с жилыми и хозяйственными постройками и комплексом земельных угодий. После присоединения новгородских земель к Москве он был заменен синонимичным термином *деревня* [5]. К концу XVI века в топониме произошла гаплология – наложение двух близких по звучанию слогов, и он закрепился в виде *Еконда* [10, 97], в котором существует до сих пор.

Топонимическое бытование термина *kond(u)* в ливвиковско-людиковском ареале принципиальным образом не отличается от вепсского. Число топонимов невелико, при этом опорные

[2] Здесьи далее через знак ~ приводятся фонетические варианты лексем и топонимов.
[3] Здесь и далее знак / используется для выделения рассматриваемых терминов в составе сложных лексем и топонимов.

названия – как простые, так и сложные – это ойконимы: *Kondu~Raja/kondu* (рус. *Пограничные Кондуши*), *Kondu~ Konnun/kylä ~Troičan/kondu* (рус. *Кондуши*), *Kondu* (рус. *Конда*), *Ristu/kondu* (рус. *Риста-Конда*), *Kond*. Есть некоторое количество названий сельхозугодий, в том числе *Iivoi/kondu*, *Uuzi/kondu*, *Moisein/kond*, *D'yrgin/kond*, в которых атрибутивный элемент выражен антропонимом. Иначе говоря, топонимический контекст позволяет полагать, что карельский термин включал и семантическую составляющую 'поселение', хотя словари, напомним, фиксируют его только в значении 'земельные угодья, обрабатываемая земля'.

Обратим также внимание на субстратные приб.-фин. топонимы с топоосновой *Kond(u)*- на смежной русской территории Карелии. В русском Заонежье засвидетельствованы две деревни *Конда*, а также ряд сельскохозяйственных угодий, в том числе *Под Кондой*, *Гладкая Конда*, *Кондуша*, *Райдаконда* и др. Большинство топонимов концентрируется в южной части Заонежья, что может быть отражением южных (вепсских) связей территории. Несколько топонимов зафиксировано на восточном пудожском берегу Онежского озера. Среди них центральная деревня куста поселений Песчаное *Конновская* или *Конново*, расположенная на горе *Конья*, *Коньюха* или *Конная*. Однако «конные» реминисценции – плод народной интерпретации исторического топонима, который в документах XVI в. назван «Поч. на Пещаном на Конде-горе» [11, 144], «в Пещаном на Кондогоре» [10, 177]. Топоним, таким образом, восходит к вепсско-карельскому поселенческому термину *kond(u)*, который несёт явные следы карельского чередования согласных и закрепления в современной топооснове слабой ступени чередования: Nom. *kondu*: Gen. *konnu-n*. Карельский оригинал мог иметь вид *Kondu*:**Konnunmägi* (букв. 'гора (деревни) Конду'), атрибутивный элемент которого затем абстрагировался, преобразовавшись в ходе русской адаптации в *Конново*. При этом карельский этап в жизни топонима не обязательно считать первым, мы можем иметь дело и с карельским освоением изначально вепсского топонима. Точно также как вепсские, так и карельские истоки может иметь самый, пожалуй, известный ойконим Карелии с рассматриваемой основой – название города *Кондопога* (люд. *Kompohd'*) в западном Прионежье. Русский вариант сохранил первоначальный облик лучше людиковского, в котором на протяжении веков произошли ассимиляционные выравнивания на границе двух элементов сложного по структуре топонима. В виде *Кондопога* он фиксируется уже в самых ранних из известных массовых документов по территории Карелии – писцовых книгах Обонежской пятины 1563 года, со страниц которой предстаёт в виде обширной волости, включающей около двух десятков деревень, объединяющихся вокруг погостской церкви [11, 114, 117–119, 130]. Ойконим можно интерпретировать как 'конец залива, на берегу которого стоит однодворная деревня', при *-pohd'< -pohj* 'конец залива'.

Итак, топонимия, во-первых, сохраняет следы былого, значительно более широкого ареала термина *kond(u)* на территории южной Карелии, во-вторых, доказывает, что он был здесь поселенческим, обозначавшим однодворную деревню, «облик которой определяется именно тщательно разработанными пахотными угодьями. Наличие полей, т. е. достаточных по размеру участков пашенной земли, регулярно обрабатываемой и постоянно используемой для посева зерновых хлебов и других хозяйственных растений, было обязательным признаком деревень» [5]. Именно эту составляющую семантического поля отражает термин в его карельском бытовании.

Чем же вызваны размывание «поселенческой» семантики у данного термина в карельском языке и полная его утрата вепсским языком? Здесь свою роль сыграло, конечно, вхождение в систему земельных отношений новгородского и московского времени, в которой деревня была основной единицей налогообложения. В результате русского языкового посредства сложились новые термины для обозначения одно- или малодворных сельскохозяйственных поселений. Вепсский термин **kond* был вытеснен из большинства вепсских говоров русским заимствованием *derevn' ~ der'uun ~ deroon'* 'деревня' (так что память об исконном слове сохранилась только в топонимии). Причиной послужило, конечно, сходство в семантике вепсского и русского терминов, обозначавших однодворную деревню – крестьянский двор с прилегающим участком земли.

Некоторой спецификой обладает ситуация в вепсском Прионежье, где деревню называют заимствованным из территориально смежных

русских говоров Присвирья термином *posad*. Оба русских термина (*деревня* и *посад*), лежащих в основе заимствований, маркируют московский этап в истории Карелии, наступивший после присоединения новгородских земель к Москве в 1478 году.

Hieru

В контексте русского языкового посредства следует рассматривать и ситуацию в ливвиковском ареале. Именно им, как мы полагаем, вызвано появление термина *hieru* ‘деревня (одиночная или в составе более крупного поселения)’, широко бытующего в ливвиковском наречии карельского языка, а также спорадически представленного за его северными рубежами – в южных собственно карельских ребольском и поросозерском говорах [18, I, 253], и людиковского *hier(o)* [20, 70;15, 299]. Термин не имеет аналогов в других прибалтийско-финских языках. Истоки его затемнены, и, насколько нам известно, слово не имеет удовлетворительной этимологии.

При поисках его корней наше внимание привлёк приб.-фин. глагол *hieroa* (карел. *hieruo*) ‘тереть, растирать’, но также ‘запачкать, замарать, загрязнить’. Второе значение представлено в финских и карельских говорах [24,I, 160–161;18, I, 254]. В этом же контексте показательно восточно-финское диалектное *hierellä* ‘испражняться (особенно о ребёнке)’, *hierelys* ‘испражнение (обычно маленького ребёнка)’ [23]. Вепсский глагол *herda*, *heroda*, *herotada* обозначает только ‘тереть, натирать’, однако в одном гнезде с ним этимологический словарь финского языка указывает вепс. *here* ‘навоз’ и *heretada* ‘удобрять, унавоживать’ [24, I, 160–161], которые соотносятся с упомянутым выше фин. *hieroa* и карел. *hieruo* в значении ‘пачкать, испражняться’ и, таким образом, не только доказывают бытование в прошлом и у вепсского глагола соответствующей семантики, но и указывают на возможность включения значения ‘навоз’ в общее прибалтийско-финское семантическое гнездо.

Однако как этот ряд связан с ливв. *hieru* и люд. *hier(o)* ‘деревня’? С точки зрения словообразования *hieru* может рассматриваться как закономерное отглагольное имя, образованное с помощью форманта *-u* от глагольной основы *hiero-* (ср. ливв. *alg**u*** ‘начало’ ← *algua* ‘начинать’, *lopp**u*** ‘конец’ ← *loppie* ‘заканчивать’, *itk**u*** ‘плач’ ← *itkie* ‘плакать’ и др.)

Смысловая связь убедительно высвечивается при сопоставлении с многозначным русским диалектным словом *позём*, широко бытовавшем в прошлом в значениях ‘навоз’ («Коров держали не ради молока, а ради позёма, чтоб опозёмить немного землю»); ‘засеваемый участок земли’ («Зарос ныне позём, ницё не сея») [13, 32]; ‘усадьба, жилой дом, хозяйственные постройки и т. п., представляющие отдельное хозяйство в сельской местности’ [2, 237–238;14,331], в том числе и в олонецких говорах. Очевидно, такова же последовательность этапов и в семантическом развитии слова: от примарного (и прямого) ‘навоз’ через ‘пахотная земля’ к ‘поселение’, отражающая становление поселенческой структуры в связи с появлением парового пашенного земледелия, которое предусматривало обязательное унавоживание полей. Исторические документы позволяют утверждать, что паровая обработка земли, сопровождавшаяся внесением навоза, в конце XV – начале XVI вв. получает широкое распространение в Северо-Западной Руси и теснит огневое подсечное земледелие. Превращение подсечного участка в полевую пашенную землю, позволяющую относительно стабильно выращивать зерновые хлеба, предполагает ряд агротехнических мер, среди которых важнейшими является пар и внесение удобрений. В этом контексте понятна логика семантического развития лексемы.

Вернёмся теперь к ливвиковско-людиковскому термину. Ввиду того, что он не имеет аналогов в прибалтийско-финских языках и в то же время бытует в ареале, непосредственно граничащем с ареалом рус. *позём*, в поисках его генезиса следует, очевидно, исходить из русского посредства и реконструировать ситуацию калькирования. Однако при этом надо учитывать, что в ливвиковских и людиковских говорах навоз повсеместно именуется лексемой *höste*, реже *heste*, которая объединяет ливвиковско-людиковский языковой ареал с территориально смежными собственно карельскими говорами Приладожья и расположенным севернее поросозерским говором [18, I, 402]. Этимологически же родственная основа бытует в вепсском в виде *here* ~ *hereg* ‘навоз’. Уприонежских и шимозерских вепсов известен и сложный по структуре термин *here/ma* ‘пар в севообороте’ [3, 117] (при *ma* ‘земля’, т. е. *herema* букв. ‘унавоженная земля’),

подтверждающий предложенную выше мотивацию для *hieru*. Кстати, термин неоднократно зафиксирован в северновепсском Прионежье и в топонимии: угодья *Herem*, *Herema*, *Savi/herem*, *Peška/herem*, *Bal'a/herem*, руч. *Herem/oja* и др. В этом же ряду название небольшого островка *Еряйма* или *Яряума* в бывшей Кижской волости в Заонежье [9, 42].

Данная ситуация подводит к мысли о том, что истоки поселенческого термина *hieru* могут восходить ещё к тому этапу в образовании населения Олонецкого перешейка, который предшествовал современному, сформировавшемуся в ходе активного притока карелов (носителей термина *höste*) из Северного Приладожья. Создатели термина *hieru* были, видимо, в более близком языковом родстве с вепсами. На это же указывает отсутствие его в собственно карельском языковом ареале, за пределами Олонецкого перешейка. Время его появления должно, очевидно, увязываться со становлением устойчивой поселенческой структуры в XV–XVI вв. и русским языковым посредством. Надо полагать, что русское влияние стоит и за северновепсским термином *herema* 'пар (в севообороте)', который является синонимом своего исконного приб.-фин. термина *kezand* и представлен только на северо-восточной окраине вепсской языковой зоны, прилегающей территориально к ливвиковско-людиковскому ареалу *hier(u)*. Видимо, бытовал единый ареал – Онежско-Ладожский перешеек, где под влиянием русского термина *позём* происходила семантическая трансформация исконной приб.-фин. лексемы, так что в вепсском Прионежье образовался новый термин *herema* 'паровое поле', а западнее, в ливвиковском Приладожье, развитие продвинулось на ступень дальше, его результатом стал поселенческий термин *hieru*, сопряженный семантически с рус. диал. *позём* 'поселение'. При этом как сама историческая подоплека, так и семантика русского термина (см. выше 'отдельное хозяйство в сельской местности') указывают на однодворность поселения, т. е. дом с хозяйственными постройками и участком пашенной земли.

Иное семантическое наполнение, представляющее деревню как многодворное поселение, демонстрируют лексемы *ryhjä* и *kylä*.

Ryhjä

В ряде собственно карельских и территориально смежных с ними ливвиковских говоров бытует термин *ryhjä* 'группа домов плотной застройки; наиболее застроенная часть поселения; центральная деревня в кусте поселения' [22, IV, 893], который появился в ходе развития примарного значения 'группа, толпа, гурьба'. Сам карельский термин входит в приб.-фин. этимологическое гнездо *ryhmä*, имеющее балтийские корни [24, III, 116]. Поселенческая семантика является карельской инновацией, возникшей на территории Приладожья – карельской прародины, где *ryhjä* означает 'группу домов, строений' [22, IV, 893]. Предполагается, что отсюда с так называемой второй волной переселения карелов (XV–XVI вв.) термин проник на территорию центральной и северной Карелии [6, 145]. В ходе распространения термина на север менялась и его семантика – от первоначальной 'группа домов' до 'часть деревни, где находится церковь' и далее 'центральная деревня в кусте поселений'. Последняя подтверждается, например, целым рядом топонимических фиксаций в бывших Ухтинской, Кемирецкой, Тунгудской, Поросозерской волостях, где название *Ryhjä* маркирует центральную деревню поселенческого гнезда. При этом полевые материалы позволяют утверждать, что топонимический ареал термина *ryhjä* шире апеллятивного, что может объясняться его постепенной утратой из языка собственно карельского населения, замещением другим термином (напр., русским заимствованием *pokosta*, *pogosta* 'погост') либо функционированием лишь на ономастическом уровне в качестве модели именования традиционных поселений определенного типа.

Kylä

Термин *kylä*, известный большинству прибалтийско-финских языков, маркирует в них разные типы поселений: от отдельного крестьянского двора до куста поселений и целой волости [24, I, 463]. Этимологический словарь эстонского языка (в котором термином *küla* обозначается наименьший тип сельского поселения [17, 213]) определяет данную лексему как прибалтийско-финско-саамскую или даже финно-угорскую по своим истокам, при этом связь с соответствиями в обозначении поселений в алтайских языках указывается как имеющая неясный генезис [17, 213; 24, I, 463; 22, II, 254].

Приведённый выше широкий семантический спектр несколько разнится по отдельным

языкам. Так, ввепсских говорах *külä*, *kül'a* ‘село (группа деревень)’ или ‘центральная деревня, где находится церковь’ [3, 256]. Отдельные деревни, входящие или не входящие в состав куста поселений, маркируются русскими заимствованиями *derein'*, *posad*, *slabad*, *hutor* и др.

На вепсском фоне семантика карельского термина *kylä* в современных говорах значительно более размыта, им невозможно маркировать какой-то один тип поселения. В ливвиковском наречии карельского языка термином *kylä* обозначают, с одной стороны, небольшую деревню, в том числе отдаленную от центра, а с другой, село, т. е. совокупность небольших деревень, объединяющихся вокруг церковного погоста [1, 132; 7, 170].

Аналогичная картина и в людиковском наречии карельского языка, где термином *kylä* обозначается любая разновидность сельского поселения [24, I, 463; 20, 181]: деревни *Heikin/kylä*, *Lahten/kylä*, *Suavan/kylä*, *Mägi/kylä*, *Pyhän'iem~Pyhän'iemen/kylä* (рус. *Святнаволок*), *Präkkä~Präkke~Präkän/kylä* (рус. *Прякки ~ Прякку*) и др.

Соответственно, и топонимы собственно карельского ареала содержат примеры двоякой семантики (‘деревня’ и ‘село’) термина *kylä* в них, хотя в центральной и северной Карелии он более активен в номинации многодворных (и, как правило, центральных) деревень: *Keški/kylä*, *Kylä*, *Konnun/kylä* и др.

Такая ситуация отражает, как представляется, разные этапы становления и функционирования поселенческого термина *kylä* в системе карельских говоров, за которыми стоит изменение самой структуры поселений и их сети. Будучи основным и наиболее древним приб.-фин. термином с семантикой ‘поселение’, он мог использоваться первоначально для маркировки первых однодворных деревень (ср. значение ‘отдельный дом’, до сих пор присущее слову в финских говорах), а затем переходить на многодворные поселения и в дальнейшем – на кусты поселений и волости по мере их формирования. В этом контексте развития семантики особенно показательно значение ‘противопоставление/противоположность дому’, которое воплощается в выражениях *olla kylässä* ‘быть в гостях’ (букв. ‘быть в деревне’) и *mennä kylään* ‘пойти в гости’ (букв. ‘пойти в деревню’), в словах *kyläillä* ‘гостить’, *kylälliset* ‘гостинцы’. Оно является основным и в саамской среде: *gâl'lit* ‘гостить’, *gallitit* ‘проводить время в деревне (в гостях)’ [24, I, 463].

Двойственность семантики производящей основы отражает финская лексема *kylällinen*: это, с одной стороны, – ‘гость’, с другой – ‘проживающий в доме, крестьянин-землевладелец, член крестьянского мира’ [24, I, 463]. Возможно, появление у лексемы *kylä* значения ‘противопоставление/противоположность дому’ как раз связано с изменением структуры традиционного поселения – деревня превратилась в многодворную, появилась возможность ходить в гости внутри деревни.

Это предположение подтверждается выводами авторов исследования по истории поселений Беломорской Карелии, которые связывают закрепление названия *Kylä* лишь за одной из деревень, входивших в состав гнезда поселений с общим названием *Kostamus* / рус. *Костомукша*, с тем, что «она начала разрастаться раньше других и отличалась на фоне окрестных однодворных (малодворных) поселений своими большими размерами» [4, 210–211].

Кроме того, в современном бытовании, в связи с изменениями в поселенческой структуре, в статусе отдельных селений произошла нивелировка, размывание самой семантики термина, обобщившегося в значении ‘поселение (любое)’. В ливвиковском языковом ареале это проявляется в размывании дистрибуции терминов *kylä* и *hieru* и их параллельном использовании. Подтверждением служат нередкие и в современном топонимическом бытовании сложные топонимы, в которых детерминант *-kylä* вторичен, нарощен к готовому ойкониму, маркировавшему исторически разные типы поселений – от погоста, т. е. центрального селения волости, до выселков и хуторов: д. *Kurki ~ Kuren/kylä* (рус. *Кургиево*), д. *Virda ~Virran/kylä* (рус. *Вирда*), д. *Kondu ~ Konnun/kylä* (рус. *Кондуй*), д. *Suurlaht ~Suurlahten/kylä* (рус. *Сургуба*) и др.

Таким образом, термин *kylä*, известный на территории бытования всех трёх наречий карельского языка, является маркером этапа формирования многодворных деревень и – что особенно важно – кустов поселений, свойственных для севера. В отличие от него, терминами *kontu*, *hieru* и *ryhjä* характеризуются одиночные (как однодворные, так и многодворные) деревни разного ранга.

Обсуждение и заключение

Анализ терминов прибалтийско-финского происхождения, проведённый с привлечением топонимических материалов, свидетельствует об их различном генезисе, возрасте, ареалах бытования и семантическом наполнении. За ними стоят разные этапы формирования поселенческих структур. Так, просматривается семантическое противостояние двух исконных и имевших в прошлом общеприбалтийско-финское бытование терминов *kylä* и *kontu*, из которых первый эволюционировал в направлении ‘поселение’ → ‘куст поселений’, а второй ‘земельные угодья, обработанная земля’ → ‘однодворная деревня’. Надо полагать, что это противостояние сложилось в середине II тыс. н. э., когда происходило активное крестьянское освоение территории южной Карелии, сопряжённое с ним разрастание одиночных дворов-деревень и появление кустов поселений. Примерно в этот же период рождается новый термин *hieru* ‘деревня’, вызванный к жизни, с одной стороны, переходом к пашенному земледелию, развитием системы однодворных деревень, с другой – вхождением в структуру государственного налогообложения и русским языковым посредством. Он появился ещё в период, предшествовавший карельскому внедрению из Приладожья на Онежско-Ладожский перешеек, и несёт следы языка вепсского типа. В Приладожье же сформировалась карельская языковая инновация – поселенческий термин *ryhjä*, характеризовавший процесс разрастания дворов-деревень в многодворные поселения. В ходе карельской колонизации северных территорий он развивался семантически в направлении ‘центральная деревня в кусте поселений’.

Параллельно шло массированное внедрение в карельский и вепсский лексикон русской поселенческой терминологии, спровоцированное государственным устройствоми смежным проживанием русского населения.

Сокращения языки и наречия

вепс. – вепсский язык
карел. – карельский язык
ливв. – ливвиковское наречие карельского языка
люд. – людиковское наречие карельского языка
приб.-фин. – прибалтийско-финские языки
рус. – русский язык
фин. – финский язык

географические объекты

д. – деревня
руч. – ручей

прочие

диал. – диалект(ный)
Nom. – номинатив
Gen. – генитив

Список источников и литературы

1. Бойко Т. П. Большой карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Периодика, 2016. 352 с.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1882. Т. 3. 576 с.

3. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 746 с.

4. Карлова О. Л., Кузьмин Д. В. История поселений Беломорской Карелии в свете данных топонимики // Народное зодчество: межвуз. сб. к 60-летию ПетрГУ и 70-летию В. П. Орфинского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 207–215.

5. Кочин Г. Е. Развитие земледелия на Руси с конца XIII по конец XV в. // Труды Ленинградского отделения Института истории РАН. Вып. 2. Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII–XVII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960. С. 257–305. URL: http://annales.info/rus/small/kochin.htm (дата обращения: 24.06.2019).

6. Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 139–149.

7. Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

8. Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.

9. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Свод топонимов Заонежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 250 с.

10. Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах / Ред.: И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН, 1993. Т. 3. С. 35–341.

11. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.: Материалы по истории Карельской АССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 270 с.

12. Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. Вып. 5. 663 с.

14. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–49)]. СПб.: Наука, 1994. Вып. 28. 400 с.

15. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Сост. А. П. Баранцев, П. М. Зайков, М. И. Зайцева, Н. Г. Зайцева, Л. Ф. Маркианова, В. Д. Рягоев, В. П. Федотова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 346 с.

16. Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. 350 с.

17. Eesti etümoloogia-sõnaraamat / Koost. ja toim. Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 p.

18. Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6. [Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki]. Helsinki: SUS, 1968–2005. 3894 c.

19. Kepsu S. Kannaksen kylät. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2018. 542 p.

20. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 p.

21. Lehikoinen L. Antreasta Äyräpäähän. Luovutetun Karjalan pitäjien nimet. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2018. 52 p.

22. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki: SUS, 1958–1981. 2293 c.

23. Suomen murteiden sanakirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. URL: http://kaino.kotus.fi/sms/?p=searchresults (дата обращения: 24.06.2019).

24. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. / Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992–2000.

References

1. Boyko T. P. *Bol'shoy karel'sko-russkiy slovar' (livvikovskoe narechie)* [Large Karelian-Russian dictionary (the Livvik dialect)]. Petrozavodsk: Periodika Publ., 2016. 352 p. (In Karelian, Russian)

2. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 t. [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.]. Saint-Petersburg; Moscow: M. O. Vol'f Publ., 1882. Vol. 3. 576 p. (In Russian)

3. Zaytseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 746 p. (In Vepsian, Russian)

4. Karlova O. L., Kuzmin D. V. *Istoriya poseleniy Belomorskoy Karelii v svete dannykh toponimiki* [The history of the settlements of the White Sea Karelia in the light of toponymic data]. *Narodnoe zodchestvo* [Folk architecture]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 1999. pp. 207–215. (In Russian)

5. Kochin G. E. *Razvitie zemledeliya na Rusi s kontsa XIII po konets XV v.* [The development of agriculture in Russia from the end of the XIII to the end of the XV centuries]. *Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii RAN. Vyp. 2. Voprosy ekonomiki i klassovykh otnosheniy v russkom gosudarstve XII–XVII vekov* [Proceedings of the Leningrad Branch of the Institute of History of the RAS.: Issue 2. Problems of economics and class relations in the Russian state of the XII–XVII centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1960. pp. 257–305. Available at: http://annales.info/rus/small/kochin.htm (accessed June 24, 2019). (In Russian)

6. Kuzmin D. V. *Areal'naya distributsiya toponimnykh modeley Belomorskoy Karelii* [Areal distribution of toponymic models of White Sea Karelia]. *Bubrikhovskie chteniya: Problemy pribaltiysko-finskoy filologii i kul'tury* [The Bubrikhov's Readings: Problems of Baltic-Finnish philology and culture]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU Publ., 2002. pp. 139–149. (In Russian)

7. Makarov G. N. *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (the Livvik dialect)]. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 1990. 495 p. (In Karelian, Russian)

8. Mullonen I. I. *Ocherki vepsskoy toponimii* [Essays of Vepsian toponymy]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1994. 156 p. (In Russian)

9. Mullonen I. I., Azarova I. V., Gerd A. S. *Svod toponimov Zaonezh'ya* [Corpus of toponyms of Zaonezhye]. Petrozavodsk: KarNTs RAN Publ., 2013. 250 p. (In Russian)

10. *Pistsovaya kniga Zaonezhskoy poloviny Obonezhskoy pyatiny A. V. Pleshcheeva i pod'yachego S. Kuz'mina 1582/1583 g.* [The scribal book of the Zaonezhye half of the Obonezh pyatina of A.V. Pleshcheyev and the clerk

S. Kuzmin 1582/1583]. *Istoriya Karelii v XVI–XVII vv. v dokumentakh* [History of Karelia in the XVI–XVII centuries in documents]. Petrozavodsk; Joensuu: KNTs RAN Publ., 1993. Vol. 3. pp. 35–341. (In Russian)

11. *Pistsovye knigi Obonezhskoy pyatiny 1496 i 1563 gg.: Materialy po istorii Karel'skoy ASSR* [The scribal books of Obonezh pyatina of 1496 and 1563: Materials on the history of the Karelian ASSR]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ., 1930. 270 p. (In Russian)

12. Punzhina A. V. *Slovar' karel'skogo yazyka (tverskie govory)* [Dictionary of the Karelian language (the Tver dialects)]. Petrozavodsk: Kareliya Publ., 1994. 396 p. (In Karelian, Russian)

13. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey*: v 6 vyp. [Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas: in 6 iss.]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU Publ., 2002. Iss. 5. 663 p. (In Russian)

14. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of the Russian folk dialects]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1994. Vol. 28. 400 p. (In Russian)

15. *Sopostavitel'no-onomasiologicheskiy slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo i saamskogo yazykov* [Comparative and onomasiological dictionary of dialects of the Karelian, Vepsian and Saami languages]. Petrozavodsk: KarNTs RAN Publ., 2007. 346 p. (In Karelian, Vepsian, Saami, Russian)

16. Fedotova V. P., Boyko T. P. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of the proper Karelian dialects of Karelia]. Petrozavodsk: KarNTs RAN Publ., 2009. 350 p. (In Karelian, Russian)

17. *Eesti etümoloogia-sõnaraamat.* Koost. ja toim. Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2012. 792 p. (In Estonian)

18. *Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6.* Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: SUS, 1968–2005. 3894 p. (In Karelian, Finnish)

19. Kepsu S. *Kannaksen kylät*. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2018. 542 p. (In Finnish)

20. Kujola J. *Lyydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki: SUS, 1944. 543 p. (In Karelian, Finnish)

21. Lehikoinen L. *Antreasta Äyräpäähän. Luovutetun Karjalan pitäjien nimet*. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2018. 52 p. (In Finnish)

22. *Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7*. Helsinki: SKS, 1958–1981. 2293 p. (In Finnish)

23. *Suomen murteiden sanakirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus*. Available at: http://kaino.kotus.fi/sms/?p=searchresults (accessed June 24, 2019). (In Finnish)

24. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3*. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: SKS, 1992–2000. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Муллонен Ирма Ивановна, профессор, главный научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр» (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), доктор филологических наук.

mullonen@krc.karelia.ru

ORCIDID: 0000-0002-5279-4880

Захарова Екатерина Владимировна, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, ФИЦ «Карельский научный центр» (185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), кандидат филологических наук.

katja.zaharova@mail.ru

ORCIDID: 0000-0003-3225-7161

ABOUT THE AUTHORS:

Mullonen Irma Ivanovna, Professor, Chief Researcher of Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS (185910, Russian Federation, the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya st., 11), Doctor of Philological Sciences.

mullonen@krc.karelia.ru

ORCID ID: 0000-0002-5279-4880

Zakharova Yekaterina Vladimirovna, Researcher of Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS (185910, Russian Federation, the Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya st., 11), Candidate of Philological Sciences.

katja.zaharova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3225-7161